

Эмельянова Ю.П.

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА»

Каждая историческая эпоха по-своему оценивает изменения, происходящие в обществе, ищет им объяснение, используя сложившиеся теоретические и методологические установки, или разрабатывая новые, более точно характеризующие качественное состояние исследуемого объекта. Последнее десятилетие прошедшего XX века было отмечено зарождением социокультурного подхода и методологии анализа общества. По прошествии ряда лет можно уже говорить о возникновении нового научного направления, оценивать его возможности. Не будет преувеличением утверждать, что оно оказалось способным выделить новую сферу реальности, очертить новый предмет исследований.

В качестве особого предмета рассмотрения предложен процесс исследования культуры как феномена, определяющего базовые отношения в обществе. Из множества определений и аспектов культуры выделяется тот, при котором культура предстает, в первую очередь как программа деятельности общественного субъекта, будь то личность, группа, локальное сообщество или общество в целом. Целью определенного таким образом социокультурного подхода к изучению общества становится преодоление дуализма, неизбежно возникающего при рассмотрении общества как соединения, совокупности двух параллельно и относительно автономно существующих пластов – культурного и социального. В центре анализа оказывается постоянно воспроизводящееся противоречие между культурой и социумом, выступающее как стимул человеческой активности в самом широком смысле. [10], [2], [12], [9], [21].

Большие потенциальные эвристические возможности социокультурного подхода, его общеметодологический характер, специфика его реализации в социогуманитарных науках могут в полной мере проявиться лишь в связи с одновременной разработкой его категориального аппарата. Представляется, что наряду с понятиями «общество», «культура», инструментом познания социальной реальности в рамках новой складывающейся социокультурной теории и методологии может стать понятие «социокультурная система» (СКС).

Поворот в общественном знании к социокультурной парадигме начался с работ В. Библера и М.С. Кагана [3], [7]. Последовавшие затем работы Н.Моисеева, В.Степина, Н.Лапина, А.Ахиезера открыли новую страницу в постсоветском – российском, прежде всего, общественном знании. В частности, в работах В.Степина имплицитно содержится едва ли не главный тезис СК подхода, а именно положение о возрастающей роли культуры с программирующей по отношению к обществу функций [19]. В исследованиях Лапина разрабатывается категориальный аппарат СК подхода, демонстрируются его большие эвристические потенциальные возможности, в частности, в философской перспективе [11]. О необходимости дальнейшей глубокой проработки вопросов уточнения сути, признаков, содержания, направленности СК парадигмы, разработки ее категориального аппарата говорят и украинские ученые [14]. В рамках социокультурного подхода глобальное понимание СКС как социокультурных суперсистем (Сорокин П. Лапин Н.) мы стремимся перевести в измерение более гуманистичное, адекватное человеческому и дать описание локальных социокультурных систем пространств-регионов.

Разработка указанного понятия может быть осуществлена в рамках неклассической науки, сложившейся на рубеже 19–20 веков, и ориентированной на познание относительной истины об отдельных объектах, объектах «самих по себе». Методика исследования таких объектов базируется на веберовской концепции «идеальных типов», требует соответствующей исследовательской стратегии, которая допускает множественность картин мира, привлечение различных теоретических моделей для описания одной и той же реальности. Более продуктивной представляется методология постнеклассической науки, позволяющая исследовать уникальные объекты, в нашем случае – системы, включающие в качестве элемента и самого человека. Социокультурная система (общество и культура) может быть описана языком синергетики – междисциплинарной теории, анализирующей процессы самоорганизации в сложных неравновесных системах, спонтанно повышающих уровень своей сложности и информационной насыщенности [13]. В целом, разработка понятия «СКС» методами современного философского и научного анализа позволила бы охватить социальную реальность в максимально возможной на сегодняшнем этапе развития науки и философии полноте и качественном многообразии. Данная характеристика выводит понятие СКС на уровень концепта, с одной стороны, а с другой, позволяет применять его в практических социальных исследованиях. Это позволит, на наш взгляд, раскрыть новые грани такого многокачественного явления как общество, полнее описать уровни этого многомерного феномена, точнее очертить перспективы его дальнейшего познания. Утвердившееся в социогуманитарных науках понимание общества как сложной многомерной системы, в таком случае способно обогатиться еще более глубоким подходом. Данное утверждение не противоречит мнению, сложившемуся во время пленарных выступлений на V конгрессе философов России, где также отмечалось, что культурогизирование становится ведущей тенденцией философии, а это ведет к необходимости расширения философско-культурологического категориального аппарата [6].

Описание содержания понятия «социокультурная система» предполагает наличие временной и пространственной характеристик. При этом имеется в виду, прежде всего, наличие огромного числа локальных микро- или макро – СКС, охватывающих незначительные территории или простирающихся на полматерику, существующих сегодня или известных из истории. Внутренние закономерности формирования и развития СКС, их функционирование в пространстве и времени предстают новым в общественном знании и продуктивным предметом познания, приближающим к пониманию еще одного из многих алгоритмов развития человеческой истории. Рефлексия над содержательной стороной понятия «СКС» представляется необычайно

важной, способствующей подъему продуктивности этого понятия до уровня продуктивности таких достаточно отрефлексированных понятий как «социум» и «культура».

Сущность и специфика особого типа социальных систем – СКС – объект нашего исследования. Важным представляется изучение выбранного объекта как с точки зрения углубления теории формирования и функционирования СКС, так и для последующих эмпирических описаний (и case study – ситуационного анализа) различных видов СКС, являющихся основой всех известных социально-гуманитарным наукам социальных организаций (форм социальности). Изучение социокультурных систем регионов – предмет исследования. Наша главная задача – понять «историческую механику», «механизм» формирования и развития СКС в пространстве региона.

СКС мы понимаем как результат процесса исторического движения, то есть социального, культурного, экономического и политического освоения этносом определенной территории (региона) и становление его (этноса) в процессе такого освоения. Результат подобного исторического процесса объективно многообразен из-за различия климата, географического расположения, специфики этногенеза (а он включает не только возникновение каждого народа и начальные этапы его развития, но и последующее формирование отдельных особенностей в этнографическом и лингвистическом осмыслении в традиционных культурах), инвариантных черт психологии, эстетического сознания и многого другого. Весь образ жизни, общественное бытие в целом предстает чрезвычайно многообразным, а социокультурное выступает в качестве важнейшей детерминанты в системе каузальных связей общества, становясь причиной многообразия. В рамках Европы примерами могут стать такие различные социокультурные образования как Крым и Корсика, Карабах, Абхазия, Босния, Кипр, Страна Басков, Бельгия и ее регионы, Швейцария. Размышление над социокультурным, политическим разнообразием СКС неизбежно приводит к необходимости уточнения традиционного понимания культуры, и к последующему расширению содержания этого понятия.

Традиционное понимание культуры как совокупности духовных ценностей перестало отражать реальные исторические процессы, что отмечено исследователями в последние годы XX века, и оно активно переосмысливается [10]. Расширение содержания понятия культуры идет по линии ее онтологизации, что проявляется в целом ряде новых мотивов. Во-первых, в культуру вносится качество человеческого бытия, то есть происходит антропологизация культуры. Такой подход указывает на преодоление веберовской парадигмы экономического рационализма в понимании социума и человека. Во-вторых, онтологизация культуры выражается в ее экологизации. Признание того, что культура должна быть соединена с человеческими ценностями, предполагает наличие для их нормального функционирования соответствующей среды. Создание культурной среды, в которой расцветает культурное творчество, и есть экология культуры как открытой системы. В-третьих, онтологизация культуры предполагает ее этнизацию, то есть соединение культуры с народом, с бытием этноса. Вне этой связи, без проникновения в быт народа, культура гаснет, утрачивает свою укорененность и целостность. Так, например, начиная с 90-х гг. США начали утрачивать свою якобы способность быть «плавильным котлом» разных этнических групп. Исследователи заговорили о более мягком варианте соединения культур – американском «салате», но что скрывается за этим термином? Безусловно, американцы демонстрируют принадлежность к определенной социокультурной общности (и не ее ли достижения – фаст-фуд, Мак-Дональдс, Дисней Ленд?), однако в недрах ее хорошо просматривается полиэтнический фон или важная этническая составляющая с определенной автономией моноэтнических культур, с их различными темпами и формами развития. Этнически не монолитен и Китай.

Очерченные выше перспективы социокультурного направления в изучении общества, выделение новых объектов и предметов исследования представляются, несомненно, важными в эпоху глобализации, в связи с которой и получают новое осмысление. Сама постановка вопроса об уточнении роли культуры в жизни социума представляется неслучайной в момент развертывания глобализационных процессов. Глобализация охватывает все сферы общественной жизни, делая их составными частями единой социоприродной системы в масштабе всей планеты. Этот процесс не сводится к монополизации экономики, ибо распространяется также и на сферу культуры, социальной жизни, политики. Глобализация вызывает свое подтверждение в виде процессов унификации, приведения к «общему знаменателю» разноплановых социальных процессов: введение общей валюты в Европе, принятие Конституции ЕС, вестернизация и др. Глобализация свидетельствует о возникновении мощной сети общемировых связей, но при этом не отменяет фрагментацию, «многоцветье» мира. Локальные культуры сопротивляются процессу глобализации и унификации как вынужденному упрощению. Философской рефлексии должно быть подвергнуто противоречие между осознаваемой на уровне индивидуального сознания необходимостью действовать в контексте глобализации, и стремлением к сохранению при этом социокультурной неповторимости своего человеческого мира в пространстве своей социокультурной системы. Такая постановка вопроса выводит исследование, с одной стороны, на философские проблемы процесса глобализации, полное осмысление которых еще только предстоит современному гуманитарному знанию, а с другой – требует уточнения характеристик и специфики того явления, которое обозначается как «свой мир», привычная (этническая, полиэтническая) среда, природное и социальное окружение в границах некоего пространства.

Двадцатый век продемонстрировал углубление и расширение процессов как глобальной интеграции, так и резкую дезинтеграцию, что приводит к росту значения и роли регионов в социальной, экономической и политической жизни как отдельных стран, так и целых континентов. Это может свидетельствовать о вступлении человечества в новую эру своего развития, где наряду с процессом глобализации заявляют о себе процессы регионализации и социокультурного обособления, «этнизации». Невозможно не заметить, что этнические процессы в современном мире доминируют над всеми другими: социальными, экономическими,

по-новому освещают культурную составляющую. Ярким свидетельством наступления такой эры развития человечества стало принятие официальной модели ЕС – “Европа регионов”. В “Хартии регионализма”, утвержденной Европейским парламентом в 1998 году, за регионами было официально закреплено такое число функций, которое позволяет им быть активной и самодостаточной составляющей процесса европейской интеграции и сохранения идентичности и целостности. Подвергается коренному переосмыслению и трансформации господствующая модель развития, в рамках субдисциплины – регионалистики – идет формирование новой парадигмы, сущностные характеристики которой и отражают, и одновременно конструируют новые социальные реальности.

Понятие «регион» как провинция было рождено и востребовано еще в эпоху Римской империи для обозначения земель, ее составляющих, политика Рима по отношению к которым носила сложный характер. В продолжение римской традиции в современном европейском дискурсе слово «регион» используется для пространственного описания: земля (land), провинция (province), бассейн (basin) и т.п. Регион (англ. region, от лат. regio, – край, область; гегае – управлять) – определенная территория, зона, смуга (укр.); обширный район, край, область (страны); страна, группа стран – так определяет это понятие современный политологический словарь [15, с. 562].

Вплоть до 80-х гг. понятие “регион” в отечественной науке применялось редко. Интерес советской академической науки к проблемам регионализма проявился во второй половине 80-х гг. в связи с разгоревшейся критикой формационного подхода в исследовании общественно-исторического процесса. В рамках пришедшего ему на смену цивилизационного подхода региональному делению мира уделялось большое внимание, анализировались исторические, пространственно-географические и этнокультурные условия генезиса и развития регионов как особых социальных систем. Сегодня существует несколько наиболее востребованных концепций региональной дифференциации, в рамках которых признается множественность принципов организации пространств [16]. В современных дискуссиях по поводу определения содержания понятия “регион” преобладает системный, комплексный, многоаспектный подход. И хотя понятие “регион” используют разные науки для обозначения определенной территории с присущими ей признаками, обычно под регионом понимают часть территории страны, государства, которая характеризуется комплексом присущих ей природно-географических, хозяйственных, политических и культурных особенностей. Регион может совпадать с границами административно-территориальных единиц, может объединять две и более такие единицы. В любом случае регион – это сложное природно-социальное образование, которое характеризует совокупность определенных качественных признаков, выявленных социально-гуманитарным знанием по отношению к такого рода объектам. Тенденция регионализации охватила Россию, в которой продолжающаяся дисперсия центральной власти ведет к усилению автономии многочисленных этнических, конфессиональных, культурных и иных составляющих ее сообществ (субъектов). Регионализм становится в РФ национально-государственным приоритетом, Россия превращается в Россию регионов. В позитивном плане эта тенденция может быть выражена формулой: “Сильный регион – сильное государство”. Регионализация свойственна и Украине: Галичина, Волынь, Крым и др. Этот процесс невозможно игнорировать или ему препятствовать, а с учетом его потенциальной социальной мощи, обнаруженной, в частности, в Западной Европе, плодотворнее представляется создание и поддержка социальных и культурных механизмов его развития.

Столь заметный в конце XX века процесс регионализации требует специального анализа, глубокого изучения внутренних причин такого резко проявившегося социально-территориального обособления. Новое теоретическое направление – региональная культурология – уже начало оформляться в рамках философско-культурологической традиции российской науки. В его рамках идет осмысление места и роли региона в системе современного культурологического и философского знания. Регионалистика – это особый взгляд на общефилософскую проблематику и “преломление общих философских построений в конкретных практиках описания регионов и региональных культур” [6, с. 55].

Глобализация как диалектическое единство процессов интеграции и дезинтеграции, регионализации символизируют проявленность глубинного и очень мощного противоречия в социальном развитии. На фоне глобализации идут процессы, свидетельствующие об исчерпанности к концу XX столетия той модели развития, выразителем которой было национальное государство, и о формировании новой модели, контуры и содержание которой еще только вырисовываются. В этой модели оживают старые оппозиции философского порядка, в нашем случае, – “всеобщее и особенное”, которые получают пространственную интерпретацию в виде противоположностей “глобального и локального” (регионального). Новые социальные процессы порождают соответствующие исследовательские инициативы. В рамках социокультурного подхода специфическим предметом исследования могут стать СКС в качестве новых теоретических единиц, сфокусировавших принципы описания процессов исторического возникновения, освоения, развития и воспроизводства регионов. Содержание понятия такого типа требует значительного расширения границ традиционной методологии философии истории. В традиции отечественной теоретической истории – глубокое внимание разработке понятийно-категориального аппарата. В попытке оставаться в русле традиции мы обратились к исследованиям в области теории культуры с целью привнесения той новой глубины в понимание культуры, которая и позволит подтвердить генерализующую ее роль в СКС.

В рамках социально-философского исследования перед нами стоит цель: опираясь на традиции философского диалектического дискурса в понимании роли особенного, локального (регионального) в его взаимодействии со всеобщим и единичным, найти источник его внутренних изменений, приведших к смещению акцентов в пользу значимости особенного, локального (регионального) на современном этапе и обозначить его. В триаде: “единичное – особенное – всеобщее” под всеобщим мы будем понимать европейское

сообщество; под особенным – региональные СКС, наконец, под единичным – специфические социокультурные системы, составляющие основу любого регионального образования на уровне этносов и надэтнических структур.

Гипотеза исследования: на современном этапе функционирования мирового сообщества происходит активное взаимодействие социокультурных систем, сопровождающееся борьбой за лидерство и иногда приводящее к смене одних СКС другими новыми. Уплотнение мировых социальных связей в процессе глобализации приводит к кризисному состоянию мировой цивилизации, вынуждает многие СКС функционировать на пределе системных возможностей (Крым в том числе), приближаясь к точке бифуркации, что предполагает поливариантность и непредсказуемость сценариев дальнейшего их развития. В позитивном теоретическом плане этот процесс может вызывать определенный оптимизм. Так, всестороннее изучение диалога и войны культур позволяет утверждать, что, во-первых, взаимодействие между культурами происходит в реальном времени бытия, в тесном общении культур в результате глобализационных процессов, а значит с необходимостью ведет к усложнению и обогащению сегодняшней культурной составляющей мирового социального процесса. Во-вторых, взаимодействие культур приводит к росту информационной насыщенности, в результате чего могут рождаться новые, особые культуры, становящиеся программами развития новых форм социальных отношений, новых СКС. (В качестве примера – США).

Что происходит «внутри» СКС, вовлеченной во всегда драматический, а иногда и трагический диалог культур? Как реагирует на соревнование СКС общественное сознание, общественная психология, каковы пределы адаптации к меняющейся реальности всех структурных компонентов, институтов социальной системы? Характеристики какой культуры более значимы в диалоге, чья культурная программа более отвечает задачам развития СКС–целостности в природном, естественном фундаменте региональных СКС? Каковы характеристики социокультурной матрицы новой преобладающей СКС? Каковы культурные, экономические и политические последствия смены СКС?

За этими вопросами вырисовывается не только глубинное противоречие культуры и цивилизации, общих тенденций развития человечества и особенности, уникальности многочисленных социокультурных систем, но и проблема антропологического кризиса, имеющая свою обширную исследовательскую литературу. Безусловно, что качественная неоднородность СКС, их усиливающееся взаимодействие, естественное стремление к упорядочению отношений с помощью механизмов лидерства оказывает определенное влияние на состояние системной целостности мирового сообщества.

В качестве рабочей гипотезы мы предлагаем принять следующее утверждение: регион становится самодостаточен, являет собой труднорасторжимую целостность, демонстрирует системность с устойчивым неравновесием (динамическим равновесием) в развитии лишь в том случае, когда его внутренняя сущностная составляющая – социокультурная система – развивается гармонично, используя потенциал противоречивого природно-социально-культурного единства. Высокая степень автономности социокультурной системы предполагает не столько независимость ее поведения, сколько наличие внутренней упорядоченности и выполнение – на принципах саморегуляции и самоорганизации – строго определенных функций. В качестве такой системной целостности, с очерченными характеристиками внутреннего «устройства» регион и может представлять то новое социально-экономическое и политическое образование, с которым сталкивается современная европейская и мировая политическая практика, и которое пытается проанализировать социальная философия.

Разработка теории формирования и функционирования СКС как инструмента, описывающего регионы – локальные социокультурные пространства, – требует введения и разработки соответствующего понятийного аппарата. В качестве его элементов мы предлагаем следующие понятия: СКС-матрица, СКС-лидер, СКС-проект. Проблема формирования, функционирования и смены социокультурных систем (СКС) может быть смоделирована с помощью такого рода теоретических инструментов.

Продуктивной представляется по-прежнему и методика исследования в рамках веберовской концепции идеальных типов, предполагающая определенную идеализацию социальной реальности, что помогает в определенных случаях лучше понять феномены этой реальности. Так, например, описав идеальный тип СКС, (концепт исследования), мы получаем возможность соотнести затем реальные СКС с этим типом. Идеальный тип, идеальный конструкт, адекватно описывающий реальные социальные образования, вскрывает их специфику.

Операционализация понятий, характеризующих концепт исследования, и операционализация понятий проблемы исследования в целом должны способствовать созданию прогностической, эвристической, целостной, непротиворечивой теории, с помощью которой мы смогли бы приблизиться к решению некоторых задач современного социального развития. Создание теории формирования и функционирования СКС предполагает ретроспективный анализ исторически состоявшихся СКС, а также привлечения эмпирического материала целого ряда наук: этнография, историческая этнология, психологическая антропология, культурная экология, социальная культурология, традиционалистика и др. С его помощью можно приблизиться к пониманию процесса социокультурных трансформаций, точнее определить содержание постоянных компонентов культуры: ее ядра и периферии, структуры культурной традиции и механизмов ее изменений, «распределение» культуры среди ее носителей и многое другое, что наполняет смыслом предложенный нами концепт – СКС. В качестве операционального, рабочего определения идеальный тип СКС, на наш взгляд, помимо прочих характеристик необходимо должен иметь еще и такие, как: общность мировоззрения населения СКС как план миропостроения; специфическое мироосвоение – культурное освоение локального пространства; определенные формы социальной, экономической и политической организации; топонимика,

как обозначение географии своего существования; самоидентификация; оригинальная семиосфера; система мифотворчества. Указанные нами и некоторые другие качественные характеристики такого сложного социального образования, каким является СКС, предстают элементами системного феномена, создающего оригинальность и неповторимость каждой СКС. Такая идеальная СКС имеет высокий «запас устойчивости» по отношению к внешним воздействиям, благодаря качеству субъектов системы, или в связи со сложившимся оптимальным соотношением структурной информации и энтропии, то есть свободы и порядка в системе [17]. Определенное качественное состояние позволяет обеспечить СКС продолжительное историческое существование, за время которого СКС не утрачивает важнейших инвариантных структур и характеристик, то есть своей матрицы. С помощью идеалтипической модели СКС мы можем надеяться выявить, эксплицировать глубинные основания неоднородности региональных СКС, существование которых и способствует встраиванию национального интереса в мировую политику.

Исследование процесса формирования и функционирования СКС как фактора становления региона в рамках социальной философии потребует применения различных методов, накопленных философией и всем социально-гуманитарным знанием. Вместе с тем, мы помним, что нынешняя теоретико-познавательная ситуация в области социально-гуманитарного знания характеризуется неоднозначностью, что связано с кризисом прогрессистско-сциентистской методологии и поиском метатеоретических оснований гуманитарного познания. Влияние этих концептуальных противоречий привело к выделению двух основных позиций среди историков, социологов, философов. Первой из них, развернутой, например, в работах И. Валлерстайна, и утверждающей резкий разрыв преемственности, смену мировых империй (или мир-империй во всеобщей истории, начиная с 16 в.) противостоит другая позиция (работы представителей «исторической социологии» – П. Андерсена, Б. Мура, Ч. Тилли и др.), изучающая общие тенденции мироисторического процесса. Представители третьей позиции настаивают на первичности, а то и реальности лишь локальных историй, однако отказ от неких всеобщих, универсальных мировых закономерностей не сопровождается одновременной разработкой проблематики локальных историй, ибо, как указывает Б. Бади, так называемая эпистемология особенного так и не выработала адекватного методологического основания [1, с. 367]. Выход из создавшегося методологического кризиса видится в становлении новой неклассической науки, опирающейся на такие постулаты, как: признание гетерогенности предметов и объектов познания; видение целостного мира как структуры взаимодействия и связей, а не как особой «сущности»; представление о развитии как процессе много- и разнонаправленном, разворачивающемся через флуктуации и проходящем точки бифуркации; идея многообразия как необходимого основания исторического полиморфизма. Эти основные положения были развиты в особый вид научного знания – так называемого общенаучного, включающего различные дисциплины (систематику, синергетику, диатропику) [4], [20], [5].

Одновременно в последней четверти XX ст. формировалось представление о том, что между науками о природе и науками о культуре (Рикерт, Виндельбанд) нет непреодолимой стены. Признанный специалист по философии науки В. Степин утверждает: «Исследование и технологическое освоение сложных человеко-размерных, развивающихся систем сближает методологические стратегии естественных и социально-гуманитарных наук. Резкое противопоставление наук о природе наукам о духе, которое имело основание в науке XIX столетия, по отношению к современной науке во многом утрачивает эти основания» [18, с. 43]. Для современного состояния социогуманитарного знания стал характерным междисциплинарный подход. Проявляется все усиливающееся стремление представителей гуманитарных наук повысить концептуальный, теоретический статус этих наук на основе новых методологических подходов. Наблюдается процесс обогащения научного арсенала всеми атрибутами зрелого теоретического знания: понятиями, категориями, принципами, «идеальными типами», различного рода абстракциями, идеализациями. Такой процесс представляется закономерным в силу специфики эмпирической базы: она «подвижна», «текуча», «расплывчата». Она требует методологической стратегии, отвечающей потребностям понимания динамики общества, его многомерности, разнообразия, определяемого различиями взаимодействующих социальных субъектов: индивидов, групп, субкультур, регионов и т.д.

В русле указанной тенденции находится и анализируемый нами объект – «социально-культурная система», в которой «социокультурное может выступать и выступает в качестве генеральной (и генерализующей) детерминанты в системе каузальных связей общества» [10, с. 136]. Социальная философия, опираясь на определенные традиции и опыт работы с культурным многообразием, с многообразием социальных форм и их взаимодействий, призвана и впредь анализировать «полифоническую динамику социальности» [8, с. 22–31].

Источники и литература

1. Badie V. Analyse comparative et sociologie historique// Revue Internationale des Sciences Sociales. – Paris, 1992. – № 133. – P. 367.
2. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. – 2000. – № 9. С. 29–45.
3. Библер В. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1990.
4. Быстрай Г.П., Пивоваров В.И. Неравновесные системы. – Свердловск, 1989.
5. Венгеров А. Синергетика и политика//ОНС. 1993. № 4. С. 55–69.
6. Драч Г.В., Туманова О.С. Конгресс в Москве объединил философов России//Вестник РФО. – 2005. – № 3 (35). – С. 52–55.
7. Каган М.С. Философия культуры.– СПб., 1996.

8. Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник РФО. – 2005. – № 3 (35). – С. 22–31
9. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России//Социс. – 2002. – № 12. С. 23 – 32. С. 25.
10. Крапивенский С.Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса//ОНС. 1997. – № 4. С. 134–142.
11. Лапин Н.И. Пути России: Социокультурные трансформации. – М., 2000).
12. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры //Социс. – 2000. – № 7. С. 3–12.
13. Лотман Ю. М. Клио на распутье//Избранные статьи. В. 3 т. – Таллинн, 1992. – С. 469.
14. Макеев С.А. Теоретические проблемы изучения социальной структуры // Проблемы розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства. Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. – К., 2002. – С. 15–16.
15. Політологічний енциклопедичний словник/Упорядник В.П. Горбатенко; За ред. Ю.С. Шемшученка, В.Д. Бабкіна, В.П. Горбатенка. – 2-е вид., доп. і перероб. – К.: Генеза, 2004. – С. 562.
16. Регионы Украины: проблемы та пріоритети соціально-економічного розвитку: Монографія/За ред. З.С. Варналія. – К.: Знання України, 2005. – 448 с.
17. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем//ОНС. 1993. – № 5. С. 92–101.
18. Степин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты)//Вопросы философии. 2004. – № 3. С. 41–43.
19. Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.
20. Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. – М., 1990.
21. Черныш Н., Ровенчак О. Социокультурный подход в социогуманитарных науках: обмен смыслами//Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 92–103.

Масаев М.В.

ПРАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ОБРАЗА В КАЧЕСТВЕ СИМВОЛА ЭПОХИ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

О том, что такое парадигмальный образ эпохи или цивилизации, образ, в котором наглядно представлена парадигма эпохи или цивилизации, мы уже писали. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25]. Писали и о том, как становится образ символом [2, 8, 9, 13 и др.], и о практической по сути дела роли символа в жизни человеческого общества в его истории и в его исторической практике [1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 18, 19, 20, 22, 23, 25]. Многие и очень многие писали и пишут о культурологическом измерении символа – это С. С. Аверинцев, Л. Витгенштейн, Х. Г. Гадамер, Э. Кассирер [39], Д. С. Лихачёв, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, М. Мак-Люен, М. Мамардашвили и А. Пятигорский, Э. Панофски, Ж.-П. Сартр, К. А. Свасьян, В. Тернер, Л. А. Уайт, Э. Фромм, М. Хайдеггер, Й. Хёйзинга, Г. Шпет, А. Шюц, У. Эко, К. Г. Юнг, Р. Якобсон и др. Их работы легли в основу главы пятой книги С. М. Гатальской «Философия культуры» («Філософія культури» [26]), где философия культуры представлена как философия символа [26, с.194–238]. Но вопрос о праксиологическом измерении структуры образов в качестве символов ставится впервые.

П. А. Флоренский как-то заметил, что сотворение культуры есть не производство вещей, а производство символов. [27, с.59]. Лидер крымских коммунистов, кандидат исторических и доктор юридических наук Л. И. Грач доказал, что производство символов есть также и сотворение политики и политической истории. В статье «Сразу после провала ГКЧП меня обвинили в измене родине» [28] он показал, что бывший советский народ смог совершить потрясающий социальный переворот великой страны от социализма к капитализму с помощью... символа, которым стал залезший на танк Б. Н. Ельцин [28, с.6]. В своё время учитель Л. И. Грача К. Маркс [29] доказал, что символ Луи Бонапарт совершил в своё время менее потрясающий переворот в менее значительной стране, но переворот весьма впечатлительный, в ходе которого французский народ, как и советский народ в 1991 году оказался «отброшенным назад в умершую эпоху» [29, с.121]. И практическое значение понимания роли символов в политике не следует ограничивать культурно-символическим типом социальной стратификации, операциями с какими-то сакральными знаниями, с религиозным, научным и идеологическим манипулированием, как это понимают современные российские социологи Валерий Радаев и Овсей Шкаратан [30], а так, как это понимают К. Маркс и Л. И. Грач для конкретного анализа большой политики. Не случайны слова О. Шпенглера о том, что «народы, языки и эпохи, сражения и идеи, государства и боги, искусства и художественные произведения, науки, право, хозяйственные формы и мировоззрения, великие люди и великие события – являются символами и должны как таковые истолковываться» [31, с.6]. И всё вышеперечисленное О. Шпенглером есть человеческая практика – труд человека во всех сферах его деятельности. Трудятся не только люди. Работают муравьи, пчёлы, бобры, роют норы многие и многие животные, выют гнёзда птицы, роют землю кроты, перепахивают её дождевые черви. Но в трудовой деятельности животных один регулятор – инстинкт. У человека же, как и в поведении, инстинкт вытеснен символом. Но если на роль символа, вытеснившего инстинкты в качестве регуляторов поведения людей вслед за американским философом Дж. Г. Мидом обратил внимание американский фило-